

удержных эгоистов?⁹⁷ Разве для Р. Киплинга Британская империя не была превыше личности? Разве «ценности второго порядка» — Свобода, Равенство, Братство — не имели и не имеют в Европе своих яростных противников? И разве «прошлое конфуцианское знание» было так уж авторитетно для даосов и чань-буддистов?

Получается, что культуралистская установка несовместима с демократией. Она срабатывает лишь на уровне признания равноправности отдельных *культур*, но не *людей*. Уродливые последствия такой идеологии в случае фашизма совершенно очевидны.

VI.7.2. Консерватизм идеологического Мифа — противоречие в определении

Грань, отделяющая «нормальные» идеи от фашистских, в последнее время как-то странно истончилась, а местами и совсем протёрлась до дыр. Работа об одной из самых чёрных книг XX века — попытка заставить многих искренних теоретиков-гуманитариев заглянуть в зеркало: кого они там увидят? Ещё не совсем похоже? — ну, слава Богу. И надо же видеть, что тут вообще есть проблема!

Фашистские движения состояли не из одних скинхедов и штурмовиков: последними лишь воспользовались для захвата власти, а затем убрали в «ночь длинных ножей». И скинхеды — скорее жупел, отвлекающий манёвр для массового запугивания. С чем согласен, например, А. И. Воеводин — в комментарии к *«37-й дополнительной стратагеме»*:

«Почему в России существуют фашисты? Вопрос поставлен некорректно. Фашисты существуют не “почему”, а “для чего”. А существуют они для того, чтобы у действующей власти был удобный враг. Пока около Кремля, в центре Москвы продается фашистская литература, а фашистские лидеры пытаются участвовать в парламентских и президентских выборах, можно очень удачно снимать с этого политические сливки, укреплять силовые структуры и подчёркивать демократичность режима, а в нужный момент проводить дозированные решительные действия.

Поднимите имеющиеся оперативные данные и дайте приказ специалистам, прошедшим горячие точки, решить проблему российского фашизма.

Проблема будет решена за очень короткий срок. Навсегда. Участие судов, прокуратуры, принятие новых законов просто не потребуется.

⁹⁷ Обычно при этом приводят в пример Ян Чжу: «Бочэн Цзыгао не помогал никому даже волоском. Он отрёкся от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не желал пользы для одного себя; он так трудился, укрощая потоп, что тело его наполовину усохло. Люди в древности не согласились бы лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесному миру. А если им преподносили всю Поднебесную, они ее не брали. Если бы никто не жертвовал волоском, если бы никто не старался принести пользу Поднебесному миру, то в Поднебесной воцарился бы мир» (Ле-цзы, VII, пер. В. В. Малявина). На самом деле речь идёт не об эгоизме или альтруизме, а о попытках подчинить жизнь собственным «высоким идеям», которые — конечно же! — оправданы «общественной пользой» и интересами «молчаливого большинства». Такая позиция характерна для обществ, где право «мыслить за всех» по определению отводится немногим (вспомним роль Учителя в конфуцианстве). Примеров полна вся мировая история, особенно за последние 200 лет. Таким образом, требование Ян Чжу: «не жертвовать для Поднебесной даже волоском» — это не эгоизм, а призыв к отказу от сильно идеологизированных действий. Не случайно эти слова сочувственно цитирует даосский трактат «Ле-цзы», для которого недеяние (воздержание от суетных поступков) и естественность — высшие нравственные принципы.

Но пропадёт политический козырь. Обидно» (Воеводин 1998—2000⁹⁸).

Элиту НСДАП составляли не криминальные авторитеты (вожди такого рода сами не были способны ни на что, хотя и занимали наивысшие посты), а люди *старой элиты*: князья и графы, генералы и дипломаты, физики и биологи, промышленники и поэты. Часть из них вступила в партию ради карьеры, но многие — из идейных побуждений, ещё до того, как стало ясно, что нацизм придёт к власти. Неужели все они разделяли психологию мелких лавочников и городской шпаны? Нет, этихто, самых нужных людей нацизм привлёк куда изошрённее. Он предложил им идеи, казавшиеся не только очень привлекательными, но и очень знакомыми (ещё одна причина вечного плагиата в теории), и притом не только обещание уважать эти идеи, но и силу, готовую провести их в жизнь. Многим из них, ошеломлённым крахом старого мира и не знающим, как жить дальше, не пришла в голову старая истина: негодные средства извращают даже самую лучшую цель. Но именно поэтому фашистская идеология (не только в Германии) всегда была такой сумбурной. Больше всего она напоминала гигантский универмаг или «ресторан самообслуживания, где каждый выбирал себе, что хотел» (Fetten 2002: 177), потому что удовлетворить приходилось очень разные вкусы. Правда, все «товары» были ворованными: теории фашизма не были оригинальны. Ведь удел оригинального мыслителя — одиночество, а они метили в вожди.

Называть такое явление «реакцией» можно, но не стоит. Фашизм — скорее реакция в психологическом смысле, как массовый реактивный невроз: полуинстинктивное, плохо управляемое поведение людей, столкнувшихся с давлением сил, превышающих их понимание, своего рода фрустрация, вызванная «непоняткой». Определение «радикальный консерватизм» было бы более определённым, но оно неверно по существу.

Фашистов и консерваторов роднит лишь то, что их ценности лежат в прошлом. Но то же можно сказать и о самом пламенном революционере. Все наши *базовые* ценности коренятся в самой природе человека. Выдумать их заново невозможно, они могут лишь быть по-новому осмыслены или достигнуты.

Кроме того, консерватор ориентирован всё же не на какое угодно, а на недавнее прошлое, которое успел узнать по личному опыту или хотя бы со слов очевидцев. Даже самые крайние дворянские консерваторы в России (например, из круга Александра III) мечтали вернуться всё же к порядкам Николая I, а не Петра I или Ивана Грозного, для них уже слишком диким. Нацизм же предлагал вернуть — ни много ни мало — преисторические времена, эпоху Вед и Заратустры, причём настолько ретушированную в романтическом духе, что ни к какому реальному прошлому получившаяся картина уже вообще не имеет отношения.

Наконец, даже фашистский консерватизм — это обман, а во многом — и самообман. Настоящий консерватор, даже находясь у власти, опирается на традиционные институты (армия, полиция, церковь, семья, школа), с которыми стремится сотрудничать и с правами и интересами которых вынужден считаться. Получается *авторитарный* режим, требующий от населения лишь политической лояльности, но не вмешивающийся, например, в вопросы религии или художественного творче-

⁹⁸ <http://www.bookap.by.ru/okolopsy/voevodin/gl37.shtm>. Как указывает в предисловии сам автор, его консультантами по современным вопросам были его заместитель генерал-лейтенант Ю. В. Сторожев и коллега последнего В. П. Воротников — оба бывшие начальники Главных управлений КГБ СССР.

ства. Точнее, вмешивающийся в них не больше, чем любая власть вообще, раз уж она власть. Фашизм же — *тоталитарная* идеология, претендующая на полный контроль над обществом, поэтому опирается он на аутсайдеров, изгоев прежнего мира (Пленков 1991), а старые элиты и силы порядка для него — конкуренты. То, что эти элиты согласились на союз с выскочками, вчерашними аутсайдерами, пришедшими в Квиринал⁹⁹ или рейхстаг чуть ли не с улицы, объяснимо лишь чудовищной растерянностью, которую они в то время переживали, их неверием в способность удержать своё привычное положение прежними средствами. Но такой союз может лишь разрушить старые институты, ведь они были созданы для совсем других условий. В результате никакого консерватизма не получается: фашизм разрушает как раз то, что брался спасать.

В итоге у фашизма оказываются три несовместимых между собой основы:

- 1) элитарные *ценности* — наследие *аристократической* культуры;
- 2) политическая *технология* массового движения, созданная *классической демократией* (начиная с движения Гракхов в древнем Риме);
- 3) массовая *психология*, порождённая уже *индустриальным* миром.

Все эти три фактора требуют совершенно различных условий, они невозможны одновременно. Попытки распутать или скрыть это противоречие и объясняют зигзаги мысли нацистских теоретиков. Это же противоречие приводит к принципиальной неспособности фашизма решить *ни один* вопрос — хорошо или дурно, в теории или на практике. Предел его возможностей — самореклама, причём на обозрение публике предлагаются достижения не самих фашистов (их негде взять), а их союзников (точнее, временных попутчиков) из неполитической сферы.

Много говорилось об успехах физики, химии, техники, археологии в нацистской Германии. Даже биологам после Победы нашлось что сказать в свою защиту: они внесли немалый вклад в современную социальную гигиену, хотя и называли её «расовой гигиеной» (Колчинский 2007: 561 и далее). Можно ли, однако, назвать это заслугой именно нацистского режима, как утверждала его пропаганда? Ведь Вернер Гейзенберг и Макс Планк стали светилами физики ещё до нацизма, его идеологии они чурались. Зато кадры, пришедшие в германскую науку после 1933 г., отбирались не по талантам, а по лояльности. Старые научные школы были разрушены, более того — непоправимо подорван сам престиж научного знания, порождавшего опасные социальные технологии. «Успехи германской науки при нацизме» — на самом деле лишь пиаровский ход: гитлеровцы хвалились чужими достижениями. Их настоящими авторами были люди, которых нацисты застали уже готовыми учёными, которых они использовали как полезный элемент своего государства и которых — если бы история отпустила им больше времени — неизбежно извели бы как человеческий тип. Ведь типы личности они воспринимали не как создаваемые культурой, сознательным воспитанием и самовоспитанием, а как данные изначально, как расовые типы. Максимум, на что они рассчитывали, — отбирать такие готовые типы и использовать их на службе машины своего режима. Расист понима-

⁹⁹ Известен случай: утром 30 октября 1922 г., когда итальянский король вызвал Муссолини, чтобы назначить его премьером, тот по обыкновению разыграл комедию — явился в Квиринал (королевский дворец) в чёрной рубашке вместо положенного фрака и заявил: «Ваше Величество, я прямо с поля боя» (Кин 1991: 41).

ет, что булки не растут на деревьях, но не понимает, что и учёные тоже не рождаются сразу готовыми.

VI.7.3. Миф — побочный результат или самоцель?

Но ведь рыцарские ценности по-прежнему привлекательны (Кардини 1987: 360)? Да, но они не могут быть массовыми, а потому не могут и становиться основой политики. Демократия, помимо прочего, означает **приватизацию ценностной сферы**: человек следует свободно выбранным ценностям, не спрашивая, узаконены они каким-нибудь особым актом или нет.

Означает ли это атомизацию общества, «конец всякой определённости»? Заботу о том, «чтобы ничто не обрело образ»? Нет, это означает лишь конец *принудительной* определённости. В любом случае человечество будет делиться на какие-то меньшие подразделения. Уже сегодняшние семь миллиардов человек не могут поместиться разом в один концертный зал, одну вузовскую аудиторию или одну супружескую постель. И человек, выбирающий себе ценности лично, без подсказок, не может жить один (если не считать явных психопатов). Он будет искать себе подобных. Но эти новые группы — консорции и конвинксии, если воспользоваться термином Л. Н. Гумилёва, — будут основываться на *добровольном* выборе, а не на теоретических выкладках, которые кто-то произвёл за нас, нас не спросив. И тогда принудительные попытки организовать общество по априорной схеме перестанут препятствовать общественной *самоорганизации*, которую, в частности, и изучает синергетика. «Свободные ассоциации» по П. А. Кропоткину — весьма близкий аналог нарисованной картины.

XXI век нуждается в новых объединительных мифах. Но миф — по самой своей сути — выполняет эту задачу только через разъединение: «наши» определяют себя только по контрасту с «не нашими». С общечеловеческим мифом дело не лучше, чем с общеевропейским. Казалось бы, что может быть гуманнее Шестоднева? В Талмуде специально ставится вопрос: почему Бог решил произвести всех людей от одной пары, когда мог бы создать для каждого народа особых предков? И ответ: чтобы никто не говорил, будто его предок лучше прочих. Но даже этот миф, предложенный в качестве общечеловеческого, не объединил бы народы, а рассорил бы. Ведь в него верят только христиане, мусульмане и иудеи — в общей сложности что-то около трети человечества. Что делать с религиозными убеждениями остальных двух третей?

Итак, можно заключить, что мифы нового времени не имеют права быть ни этническими, ни государственными. Они вообще не должны быть предназначены для заранее намеченной группы «избранных по праву рождения». Их сотрудничество с властью, если оно вообще неизбежно, может быть только сугубо добровольным и не должно доходить до превращения групповых ценностей в официальную идеологию. Двадцатый век уже показал, что иначе может случиться.

Кроме того, сама история создания «мифов XX века» позволяет сделать вывод: миф должен быть *только побочным результатом поиска истины*. Основной целью творчества он быть не должен, даже если его создатель (как в случае Гумилёва) считает свою конструкцию не мифом, а научной теорией или, например, популяризацией науки. Конечно, учёный живёт не в башне из слоновой кости, и ему не безразлично, что творится в его стране. И «чистая наука» — такая же иллюзия,